

И.И. Бендерский

ПРОТИВОБОРСТВО ТУЧКОВА И ПОНЯТОВСКОГО НА СТАРОЙ СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ

5-й (польский) корпус Великой армии в день битвы 26 августа (7 сентября) вел наступление на обособленном участке – на Старой Смоленской дороге, заросшей с обеих сторон лесами и кустарниками. Но несмотря на «закрытый» характер местности и некоторую оторванность от остального поля сражения, бой здесь имел чрезвычайную важность: поляки стремились выйти в тыл левому крылу русской армии.

План Наполеона на Бородинское сражение предусматривал концентрацию сил на своем правом крыле и таранный удар по русскому левому флангу, а затем по центру. Для содействия разгрому русского левого крыла в тыл занимавшим Семеновские высоты войскам Баграциона был отряжен 5-й (польский) корпус князя Юзефа Понятовского. Однако удар нанесен так и не был. Пока наполеоновская армия весь день с тяжелейшими потерями штурмовала основные русские позиции, 5-й корпус застрял на лесной дороге, остановленный отрядами Н.А. Тучкова и подошедшего затем К.Ф. Багговута. Действия Понятовского навлекли на себя обвинения в нерешительности и со стороны штаба Великой армии еще на поле боя, и многих мемуаристов. Справедливы ли эти обвинения? Какова действительная роль корпуса в сражении и как проявили себя противоборствующие стороны в этом запутанном для историков¹ столкновении на Старой Смоленской дороге?

С начала кампании польский корпус наступал на правом фланге Великой армии, участвовал (кавалерийской бригадой Т. Тышкевича) в деле при Романове, особенно отличился при штурме Смоленска и понес там большие потери: более 1,3 тыс. человек убитыми и ранеными², в том числе погиб бригадный генерал М. Грабовский (командир 1-й бригады в 18-й пехотной дивизии) и ранен командир 16-й дивизии Ю. Зайончик, после чего эту дивизию в походе на Москву возглавил И. Красинский. Еще больше корпус терял

в изнуряющих маршах отставшими и больными. К тому же 17-я дивизия генерала Я.Г. Домбровского была оставлена для блокирования Бобруйской крепости и не участвовала в дальнейшем наступлении на Москву.

По переключке в Гжатске 21 августа (2 сентября) 5-й корпус имел в строю лишь 8 430 пехотинцев (16-я и 18-я дивизии с артиллеристами) и 1 638 кавалеристов (они были выделены в дивизию под руководством дивизионного генерала графа О.-Ф. Себастиани дела Порта) при 50 орудиях.

24 августа (5 сентября) вместе с передовыми соединениями Великой армии корпус вышел на Бородинское поле и принял участие в Шевардинском деле. При этом поляки потеряли до 200 человек убитыми и более 400 ранеными³.

На завоеванном Доронинском холме Понятовский разбил свой последний перед Бородинским днем бивак. Вечером перед битвой сюда прибыл Наполеон. Ж. Пеле, один из штабных офицеров, сопровождавших императора, позднее писал, как Наполеон, положив подзорную трубу на плечо маршала Мюрата, отдал приказ Понятовскому «завтра идти прямо перед собой; опрокинуть все, что он повстречает; затем повернуть налево, чтобы обойти неприятеля и поддержать атаку французской армии»⁴. В диспозиции Наполеон выразился еще лапидарней: «Понятовский направится на деревню в лесу и обойдет позицию неприятеля». Нельзя не согласиться с комментарием А.И. Попова: «Столь краткое и не очень конкретное приказание свидетельствует о том, что Наполеон не имел точных сведений о русском левом фланге и полагал, что серьезных препятствий поляки встретить не должны»⁵.

В штабе Великой армии не знали⁶, что на пути у Понятовского в труднопроходимой местности у д. Утицы уже с 25 августа (6 сентября) расположился сводный отряд генерала Тучкова: около 8 тыс. регулярной пехоты 3-го пехотного корпуса (корпус состоял из двух дивизий: 1-й гренадерской и 3-й пехотной), 1,5 тыс. казаков и 8–10 тыс. ополченцев⁷. Русский штаб тоже готовил удар из этого района («засаду» для наступающих на флешу колонн), который, естественно, был сорван с приходом туда Понятовского. Ответственность за провал планов штабов пала на корпусных командиров: у французов – на Понятовского, у русских – на Тучкова⁸.

В 5 часов утра 26 августа (7 сентября) корпус Понятовского выступил к д. Утицы. Прямой путь до нее был менее 3 км, но с артиллерией и кавалерией пройти его было невозможно: идти пришлось бы через самый лес, занятый русскими егерями, уже сделавшими засеки на лесных тропах. Поэтому у д. Ельня Понятовский свернул на Старую Смоленскую дорогу и по ней двинулся к Утицам. Это удлинит путь корпуса до 8 км и нарушило запланированный хронометраж: около 7 утра, когда уже це-

лый час шло жесточайшее сражение на флешах, поляки только подходили к д. Утицы⁹. В штабе армии князя Юзефа упрекали в чересчур осторожном продвижении.

Около 7 часов утра, подходя к д. Утицы¹⁰, колонны польского корпуса натолкнулись на плотный огонь стрелков, высланных полками 1-й гренадерской дивизии. Еще с раннего утра в стрелковые цепи были пущены группы добровольцев («охотников») из разных полков дивизии Строганова¹¹: Павловского, Таврического (из 1-го батальона) и Екатеринославского (из 1-го батальона) гренадерских полков, которые взаимодействовали с выдвинутыми вперед несколькими орудиями подполковника А.И. Дитерикса из легкой роты № 6. Саму деревню оборонял 1-й батальон екатеринославцев под начальством майора Кушина.

За этим стрелковым авангардом в двух линиях стояли основные силы гренадерской дивизии. За деревней в батальонных колоннах стояли Лейб-гренадерский и Санкт-Петербургский полки и 3-й батальон Екатеринославского полка; все три составляли 1-ю линию и находились под руководством генерал-майора Б.Б. Фока. За ними во 2-й линии под командованием генерал-майора А.И. Цвиллинева выстроились остальные полки дивизии: Павловский, Гренадерский графа Аракчеева и Таврический.

Встретив отпор русских стрелковых цепей, поляки энергично готовились атаковать д. Утицы. Под прикрытием развернутых в двух линиях четырех полков польской кавалерии и шести артиллерийских орудий, немедленно включившихся в перестрелку, колонны 16-й пехотной дивизии построились для атаки. Усилились польские стрелковые цепи, в поддержку уже ведущим огонь шести орудиям конной артиллерии вступали в дело и другие орудия корпуса¹². Перестрелка ожесточалась. Для непосредственного управления боем в передовые цепи отправился командир Павловского полка полковник Е.Х. Рихтер. Здесь он получил опасную рану в руку, командование полком принял майор Мусин-Пушкин. Польская пехота настойчиво наступала, и стрелковые цепи гренадер отошли за деревню.

Поляки установили на высотах перед Утицами артиллерию (12 орудий резервной артиллерии полковника Гурского, поддержанных другой батареей в шесть орудий)¹³ и открыли прицельный огонь по расположенным в низине русским гренадерам. Русская артиллерия отвечала, но преимущество местности было на стороне поляков¹⁴. Когда у околицы деревни показалась польская пехота (3-й пехотный полк), майор Кушин со своими гренадерами из Екатеринославского полка поджег деревню и отвел людей. Вместе со стрелковым авангардом вся первая линия из трех полков под командой Фока отступила за вторую линию под командой Цвиллинева.

Пехота 5-го корпуса заняла деревню. Еще за день до сражения Тучков сознавал ущербность позиции у д. Утицы и выбрал более подходящее место для своих войск – за деревней, при Утицком кургане. Однако Л.Л. Беннигсен, начальник штаба русских армий, передвинул вечером 25 августа (6 сентября) отряд Тучкова непосредственно к деревне. Лишь своевременный и четко организованный Тучковым отход на заранее намеченную у кургана позицию поправил дело¹⁵. Задача Тучкова резко осложнялась тем, что он отправил на помощь Багратиону дивизию Коновницына, «ослабив себя перед лицом наступающего противника»¹⁶.

Русские заняли оборону, центром которой стал Утицкий курган. Местность перед курганом была пересеченной: кустарники, топкий ручеек, перелески. К северу от кургана, на правом фланге отряда, проходила Старая Смоленская дорога, далее на север – Утицкий лес, отделявший место боя от основного поля сражения. В лесу против стрелков из корпуса Даву действовала 3-я бригада дивизии Коновницына (20-й и 21-й егерские полки) под командой князя И.Л. Шаховского. Со стороны отряда их поддерживал 3-й батальон Таврического гренадерского полка. Ополченцы, малопригодные для боя, стояли в основном в резерве. Казаки прикрывали левый фланг отряда¹⁷.

Таким образом, основных войск – регулярной пехоты – явно не доставало¹⁸: батальонам польской пехоты Тучков мог противопоставить 11 батальонов гренадер. Тучков запросил помощь. В его сторону двигался 2-й пехотный корпус К.Ф. Багговута, который шел через все поле сражения, участвуя в нескольких схватках с врагом. На выручку Тучкову первой должна была подойти из 2-го корпуса бригада Я.Е. Вадковского из 17-й пехотной дивизии.

Еще до того как войска Тучкова закрепились на кургане, Понятовский попытался отрезать отступавшие от деревни к кургану гренадерские полки и наскоком захватить батарею. Для этого он лично повел в охват русского левого фланга свою кавалерию, однако в решающий момент генералу Себастиани показалось, что в Утицком лесу появились казаки, готовые отрезать польский корпус от остальной французской армии. Понятовский развернул кавалерию и перевел к Утицкому лесу, но никаких казаков там не нашел. Пока выискивали казаков в лесу, польская кавалерия стояла поперек позиции, с открытым под фланкирующий огонь русских пушек правым крылом¹⁸. Тем временем гренадерские полки плотно прикрыли батарею на Утицком кургане. Кавалерийскую атаку пришлось отменить.

Понятовский повел планомерное наступление на курган. Поляки открыли ураганный огонь с нескольких батарей корпусной артиллерии. Основная батарея в 22 орудия работала с позиции юго-восточнее д. Утицы (с позиции на Коноплевой горе курган был недоступен). Против нее с кургана действо-

вала полурота (шесть орудий) батарейной роты № 1 полковника В.А. Глухова, которую поддерживали 12 орудий легкой роты № 6 А.И. Дитерикса. С обеих сторон артиллеристы работали хладнокровно и эффективно; русские пользовались высотой позиции, поляки – количественным превосходством, позволявшим как с успехом вести артиллерийскую дуэль, так и поражать прикрытие из гренадер¹⁹.

16-я и 18-я польские пехотные дивизии выстроились у д. Утицы в две линии: в первой – 16-я дивизия, во второй – 18-я. Три батальона 3-го пехотного полка (польские пехотные полки были 3-батальонного состава, русские – 2-батальонного) рассыпались стрелками перед левым флангом 16-й дивизии. Ими руководили подполковник И. Блумер и подполковник Курцюш. Стрелковый бой кипел в кустах между д. Утицы и курганом. Русские стрелки из гренадер держались прочно, сил 3-го пехотного полка не хватало и приходилось распускать в стрелковые цепи другие полки 16-й дивизии. Уже большая часть 16-й дивизии была пущена в стрелки, но даже по свидетельствам польских офицеров, добиться успехов не получалось²⁰.

Невысокий темп наступления 5-го корпуса в этот отрезок времени, между 9 и 10 часами утра, служил порой основанием для того, чтобы упрекнуть Понятовского в нерешительности. Видимо, вместо выдавливания противника стрелками и планомерного артиллерийского огня, нужно было сразу бросить в штурмовых колоннах обе дивизии своей пехоты. Однако такая критика игнорирует все те условия, в которые был поставлен польский командир. В кустарниках прочно держались цепи русских гренадер, за ними стояли грозные колонны гренадерских полков, а с кургана работала русская артиллерия. Наконец, откуда мог знать Понятовский, что часть русского корпуса (дивизия Коновницына) ушла на флешу? Почти небоеспособных ратников ополчения издалека не мудрено было принять за свежую дивизию. «Удовлетворить чаяния» критиков и броситься очертя голову к кургану сразу же после занятия деревни мог только безответственный авантюрист.

В данном контексте лучшим наполеоновским командирам – Даву, Нею, Мюрату – было проще (если это слово вообще применимо к драме Бородинского дня): они могли гнать своих людей в мясорубку сражения, спиной чувствуя взгляд императора, под рукой которого оставались необходимые резервы. Понятовский же вел бой в удалении, лишь слыша грохот сражения основной армии. Вся ответственность за судьбу корпуса и реализацию поставленных задач лежала только на нем.

Около 10 часов утра Наполеон повторил настоятельное требование ускорить наступление. С севера к Утицкому лесу подошел VIII (вестфальский) корпус Жюно. 24-я дивизия этого корпуса (около 2 тыс. человек под началом

генерала А. фон Охса) поддержала атаки французов на Семеновские высоты, а 23-я дивизия генерала Ж. Тарро (5,5 тыс. человек) вошла в чащу леса и в 11-м часу наладила взаимодействие с поляками²¹.

Почувствовав опору с левого фланга, Понятовский развернул решающее наступление: первой, отталкиваясь левым флангом от Старой Смоленской дороги, двигалась наискосок вперед и вправо 16-я дивизия, за ней уступом с правого фланга шла 18-я.

С русской стороны оборону сначала составляли две линии гренадерской дивизии: первая – из трех полков под командой генерал-майора Фока, вторая – три полка под командой генерал-майора Цвиленева. Но вскоре после отступления от деревни к кургану линию Цвиленева пришлось «растачить»²². По всей видимости, Таврический полк и полк графа Аракчеева были отправлены на север от дороги, в Утицкий лес, для защиты правого фланга отряда от наступающих вестфальцев. Павловский полк был выведен в резерв и поставлен на Старой Смоленской дороге за курганом.

В итоге против наступающих поляков на защите кургана оставались, без учета ополчения, лишь три полка генерала Фока, поддерживаемые стрелками из Таврического и Павловского полков. Всего около 6,5 батальонов гренадер, из которых 3-й батальон Екатеринославского полка оставался, по всей видимости, в резерве до вступления в бой 18-й дивизии неприятеля. Именно эти скромные силы линии Фока встретили наступление девяти батальонов 16-й дивизии, следом за которыми вторым эшелоном продвигалось девять батальонов 18-й дивизии польского корпуса. Указываемое Поповым соотношение сил (16–18 русских батальонов против девяти польских) явно некорректно и следует устойчивой польской традиции изображать численный перевес русских даже там, где его не было и в помине²³.

Офицеры 16-й дивизии с огромным трудом собирали рассыпанных стрелками солдат и постепенно, отдельными колоннами, вели своих людей к кургану. Поляки с потерями продирались через неровную местность, испещренную кустарником и топкими прогалинами. Гренадеры линии Фока упорно оборонялись. Фронт польского наступления оказался изломан: слева, вдоль Старой Смоленской дороги, пробивались колонны 3-го пехотного, в центре завяз в бою 16-й полк, а на правом фланге пытались охватить русских с юга колонны 15-го пехотного. С обеих сторон управлять боем было практически невозможно; все большую роль играла инициатива частных начальников, стойкость и выучка рядовых²⁴.

Польские офицеры старались координировать действия наступающих колонн, разъезжая под огнем от одной колонны к другой. Так, выскочив почти в упор на стрелков Павловского полка на стыке колонн 16-го и 15-го

польских полков, был ранен пулей начальник штаба 16-й дивизии полковник Ян Вейссенхоф. Подоспевшие товарищи во главе с капитаном Юзефом Мешешевским спасли полковника и увели его в тыл.

Упорство и находчивость польских командиров, боевой порыв солдат и численный перевес позволили отеснить и разрезать линию обороны русских grenадер. Поляки охватили курган с флангов. С севера пробился 3-й пехотный. Подполковник Блумер закрепился в зарослях у дороги, к северу от кургана, а подполковник Станислав Курцюш с целым батальоном и даже двумя орудиями обошел северный склон кургана и со штыками наперевес ворвался на батарею 10-й легкой артиллерийской роты²⁵. С юга обошел холм и ворвался на основную батарею²⁶ батальон 15-го полка под командой М. Рыбинского.

Польская традиция (а вместе с ней и некоторые отечественные историки) склонна к мифологизации этого эпизода: один батальон Рыбинского берет высоту, а потом пытается защитить ее от набросившейся на него дивизии Строганова с подкреплениями из корпуса Багговута. Красочнее остальных рассказывает о своем подвиге сам М. Рыбинский²⁷. Конечно, герой повествует только о своем батальоне. О том, что одновременно на курган ворвался батальон Курцюша, мы едва ли б узнали, если бы не воспоминания русского артиллериста Карпова. То обстоятельство, что вскоре на курган прибыл и сам Понятовский, свидетельствует, что батальоны Курцюша и Рыбинского, скорее всего, были подкреплены и другими силами пехоты 16-й дивизии. На курган были возведены орудия: Карпов, едва съехавший с кургана и вновь открывший огонь по врагу, вспоминал, что, в свою очередь, с кургана «польская артиллерия... успела сделать по нас картечью 6 выстрелов»²⁸.

Наступил решающий момент борьбы на Старой Смоленской дороге. Пока распыленная линия Фока билась в неравной борьбе вокруг кургана, а линия Цвиленева с севера прикрывала фланг отряда от вестфальцев, на помощь пришла 2-я бригада 17-й дивизии (Белозерский и Вильманstrandский пехотные полки). Своевременный подход этой бригады спас положение.

Тучков не дал полякам и трети часа владеть Утицким курганом. Был молниеносно организован контрудар. Вильманstrandский полк сменил grenадер полка графа Аракчеева и перешел в наступление на вестфальцев. Высвободившиеся аракчеевцы и подошедшие белозерцы двинулись к Смоленской дороге. На ней около полудня Тучков и развернул батальоны для контратаки: он сам во главе Павловского полка бросился прямо на вершину кургана; батальон полка графа Аракчеева и батальон Белозерского пехотного полка зашли противнику во фланг и тыл, отрезав курган; другие два батальона (по одному из полков графа Аракчеева и Белозерского), видимо,

прикрывали атаку со стороны леса, где вперемишку засели вестфальцы 23-й дивизии и поляки из 3-го пехотного.

Перешла в наступление и линия Фока: офицеры Санкт-Петербургского, Лейб-гренадерского и Екатеринославского полков и майор Богданович со стрелками из 3-го батальона Таврического полка смогли собрать людей и ударить по фронту неприятельской 16-й и следовавшей уступом 18-й дивизии²⁹.

В это время князь Понятовский лично возглавил 18-ю дивизию и повел солдат в штыки со словами: «Ура, дети мои!». Колонны из батальонов, рот и даже взводов русских и поляков в дыму убийственных залпов в упор сталкивались вокруг кургана и на нем самом. В этой борьбе всего участвовало 18 польских и до 13 русских батальонов³⁰. Но не численность сыграла решающую роль, а организация движения атакующих колонн. Собранные в нужном месте русскими генералами батальоны нанесли скоординированный удар, решивший судьбу момента. Как образно писал в рапорте командир гренадер Строганов, неприятель «с боку генерал-майором Цвилленевым, а в лицо генерал-майором Фоком был сильно встречен и опрокинут с великим уроном, к чему также содействовал подполковник Керн с Белозерским полком, который их взял совершенно с тылу»³¹.

Между тем наступление предводимой Понятовским 18-й дивизии рассыпалось, едва успев начаться. Польские пехотинцы, встреченные «в лицо генерал-майором Фоком», потеряли построение и бросились по зарослям вдоль ручья, ведя беспорядочную перестрелку с русскими гренадерами. Как об этом писал Л. Ельский, при наступлении линия 18-й дивизии «до тех пор с превеликим старанием генерала Князевича и офицеров устроенная, разрывалась; солдаты, обособившись, рассыпались в пылу по кустам, не всегда могли распознать неприятеля и, путая, часто своих, сражавшихся с неприятелем в первой линии, пулями разили; с рассыпанными солдатами невозможно было закончить атаку»³².

Зато блестяще удалась атака Павловского полка. Претерпев картечный огонь артиллерии и залпы в упор польской пехоты, ведомые Н.А. Тучковым, гренадеры забрались на курган. При этом сам Тучков был смертельно ранен. Когда на вершине павловские гренадеры сошлись в штыковой схватке с польской пехотой, на подступах уже прорвались екатеринославцы, аракчеевцы и белозерцы. Под угрозой окружения остатки польских батальонов скатились с кургана и, потеряв несколько сотен человек, пробились к своим³³.

Поляки откатывались от кургана. Разбитые части 16-й дивизии отступали к залегшей у ручья 18-й дивизии. Командир 16-й дивизии Исидор Кра-

синский был ранен, и его сменил командир 2-й бригады дивизии бригадный генерал Пашковский. Впрочем, обе польские дивизии уже почти потеряли управление; поймавшие кураж гренадеры и белозерцы теснили расстроенные ряды польской пехоты. В довершение всего вернувшаяся на курган русская артиллерия осыпала поляков картечью³⁴.

Положение близилось к катастрофическому. Тогда командир 18-й дивизии К.О. Князевич предложил Понятовскому отступить. Тот согласился. Тем временем окровавленный, но по-прежнему неукротимый Рыбинский добрался до князя Понятовского и настаивал на продолжении атаки. (В версии Рыбинского отказ князя Юзефа обретает такое звучание, что кроме его батальона в бою никто и не участвовал.)

Через некоторое время благодаря самоотверженным усилиям офицеров 5-го корпуса 18-ю дивизию удалось построить в линию. Под ее прикрытием отошла 16-я дивизия, затем следовала 18-я. Польская пехота сохраняла порядок. Когда строй нарушался, под градом картечи и пуль поляки останавливались и ровняли ряды. Сам командир дивизии Князевич отступал с последней шеренгой и личным бесстрашием вдохновлял подчиненных.

К 13 часам Понятовский отошел к д. Утицы. Потерпевший тактическое поражение, обескровленный корпус не мог возобновить наступление. С 13 до 15 часов боевые действия ограничивались перестрелкой в цепях и демонстрациями казаков. Позиции усилились подошедшими частями корпуса Багговута, который и принял командование на этом участке. Только теперь соотношение сил склонилось в пользу русских.

Но в 15 часов изменилась общая ситуация на всем поле сражения. В центре Бородинского поля французы взяли Курганную высоту, и русские войска отступили на новый рубеж обороны. Положение выдвинутой на крайнем левом фланге группировки Багговута становилось рискованным. Это почувствовал Понятовский и немедленно перешел в наступление, поддержанное войсками Жюно. Между 16 и 17 часами силы Багговута успешно отбивали совместные атаки вестфальцев и поляков. Однако долго оставаться впереди фронта остальной армии было нельзя. Около 17 часов Багговут начал отход к Псаревской возвышенности: это была часть общей смены позиции русской армии, и Багговут отступал последним.

Поляки энергично наседали и немедленно поставили свою артиллерию на оставленный русскими Утицкий курган. Ближе к 18 часам бригада 4-й пехотной дивизии попыталась напоследок сбить поляков с кургана. Авантюристическая контратака была ошибкой. Минский и Кременчугский полки были опрокинуты картечью и дружными залпами польской пехоты, затем кавалерия преследовала бегущих. Поляки изображали этот эпизод чуть ли

не как разгром всего русского отряда на Смоленской дороге, что давало им утешение в этот драматичный для всех день.

Потери корпуса в сражении сами поляки оценивали примерно в 2 тыс. солдат и более 80 офицеров убитыми и ранеными; как минимум несколько десятков человек попали в плен³⁵. С русской стороны потери были сопоставимы³⁶. Точно их посчитать в столкновении с поляками затруднительно, так как многие части, сражавшиеся с солдатами Понятовского, сражались и на других участках (например, с вестфальцами) где тоже, естественно, несли потери. По всей видимости, русские теряли больше людей утром – при артиллерийском обстреле д. Утицы – и вечером – при смене позиций с Утицкого кургана на Псаревский. Поляки же теряли больше русских во время наступления на Утицкий курган в середине дня и в поздних неудачных атаках, отраженных Багвотом.

Подводя итоги действиям Понятовского и Тучкова в Бородинском сражении, стоит помнить, что поставленные перед ними задачи в буквальном смысле оказались невыполнимы. Реальный ход сражения диктовал свою логику, не считаясь с замыслами главнокомандующих. Но в контексте обстоятельств Тучков со своей миссией справился вполне: его отряд не дал Понятовскому обойти левый фланг русской армии, при этом Тучков еще и успел оказать прямую поддержку войскам Багратиона, отправив на флешу Коновницына (мог ли левый фланг избежать разгрома без этой дивизии?).

В то же время польские войска «в целом... со своей задачей не справились». Однако нельзя согласиться с теми объяснениями, которыми сопровождает А.И. Попов этот очевидный тезис. Нет оснований говорить о «нерасторопности» Понятовского. В утренние часы «осторожность» польского командира при движении через лес и взятии Утиц отвела от корпуса ту опасность, которая таилась в самом приказе Наполеона, бросавшем поляков через лес прямо на притаившийся там отряд Тучкова. Как только Понятовский оценил силы противника и вступил во взаимодействие с корпусом Жюно, говорить о нерешительности действий не приходится. Конечно, имела место несогласованность в действиях 16-й и 18-й дивизий³⁷, но не стоит сваливать вину на Понятовского, игнорируя ответственность нижних чинов, проявивших, помимо безусловной отваги, недостаток дисциплины и боевой слаженности³⁸. Ведь наступление в середине дня продолжалось только уступом, «второй волной» двигались части 18-й дивизии. Когда 18-я дивизия была брошена в штыки, контроль над действиями пехоты на пересеченной местности был утерян.

Необходимо отметить личную храбрость и энергию командира польского корпуса. Всюду в решающие минуты боя Понятовский сам возглавлял

своих солдат: с утра при попытке атаки он был во главе своих кавалеристов, затем мы находим его уже в стрелковых цепях пехоты, в середине дня он немедленно прибыл на захваченный Утицкий курган, а уже через считанные минуты возглавил штыковую атаку 18-й дивизии.

Почему же Понятовский при всей энергии и отваге, опираясь на превосходство в силах, не сумел переиграть Тучкова?

Самым верным будет объяснение, которое редко принимается в историографии: не повезло. Удача была и остается неизменным спутником побед и поражений, особенно когда речь идет о противниках, равных по силе, умению и желанию побеждать. Однако можно сформулировать и ряд вполне рациональных соображений.

Во-первых, сам Тучков проявил себя превосходным организатором подвижной обороны на пересеченной местности, на высоте оказались и его помощники (Строганов, Фок, Цвилленев). Под их руководством гренaдеры четко выполняли сложные маневры: порядок обороны неоднократно менялся, и до решающего мгновения сохранялись резервы.

Во-вторых, Тучкову повезло со своевременным подходом бригады Вадковской, которая сразу же была блестяще использована.

Наконец, в-третьих, русские гренaдеры в целом показали свое преимущество над польской пехотой. При равной противнику храбрости гренaдеры превосходили стойкостью, умением рассыпаться и снова принимать построения, под огнем оставаясь под контролем своих командиров. Сказались также опыт и квалификация штаб-, обер- и унтер-офицерского состава. В дисциплине и выучке русские превосходили поляков. Это и сыграло решающую роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В современной отечественной историографии тема была подробно исследована А.И. Поповым. Центр исследования в его статье «Боевые действия в Утицком лесу» – действия 5-го корпуса Великой армии. С русской стороны внимание автора охватило все силы, сосредоточенные в районе Утицкого леса, противостоящие и полякам, и оставленным за скобками вестфальцам (им А.И. Попов посвятил отдельную статью). При таком ракурсе рассмотрения поддержки в оценке соотношения сил неизбежны. В целом же значимость этого исследования по объему и пласту поднятых источников неопределимо велика. В 2009 г. вышла книга «Бородино. Южный фланг», написанная А.И. Поповым в соавторстве с В.Н. Земцовым. Это издание – часть юбилейной трилогии (в 2008 и в 2010 гг. вышли: «Бородино. Северный фланг» и «Бородино. Центр» соответственно).

В данном проекте оба мастера военной микроистории обобщили свои изыскания многих лет, представив подробнейшую и на сей день непревзойденную детальную репрезентацию сражения. Написанная А.И. Поповым вторая глава книги «Бородино. Южный фланг» состоит из отредактированных и сведенных воедино ранее опубликованных статей автора. Научная обстоятельность этого исследования, объем и разносторонность привлеченных источников – все это заставляет задуматься о том, достигим ли в работах подобного жанра эпистемологический горизонт, в границах которого доступна историческая истина. Однако на читателя обрушивается вал свидетельств, которые не могут сложиться в единую, доступную в подробностях картину. Внимательный взгляд заметит нестыковки, где источники противоречат друг другу, а комментарий историка отсутствует. Не вполне ясные решения ряда проблем, связанных с эпизодами борьбы на Старой Смоленской дороге, вкупе со спорными семантическими импликациями, заставляют вновь обратиться к данному сюжету. См.: *Попов А.И.* Боевые действия в Утицком лесу // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы науч. конф. (Бородино, 4–6 сент. 2006 г.). М., 2007. С. 55–78; *Он же.* «Засадный отряд» Н.А. Тучкова (сомнения в очевидном, или апология Беннигсена) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII Всерос. науч. конф. (Бородино, 1998 г.). Бородино, 1999. С. 122–142; *Он же.* «Немного левее центра...» (действия отряда Сиверса в Бородинском сражении) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XI Всерос. науч. конф. (Бородино, 8–10 сентября 2003 г.). Можайск, 2004. С. 245–266; *Он же.* Действия вестфальцев в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы науч. конф. (Бородино, 1994 г.). Бородино, 1995. С. 64–73.

Не так давно П.Н. Грюнберг предпринял попытку оспорить позиции мэтров современной историографии. Обеспокоенный действительными неувязками в современных исследованиях Бородинского сражения, а также движимый «патриотическими» чувствами, Грюнберг попытался воссоздать альтернативную версию событий на Старой Смоленской дороге. Главным «открытием» Грюнберга стало смещение принятых топонимов на Бородинском поле, благодаря чему он «скорректировал» итоги сражения в пользу русских. (См.: *Грюнберг П.Н.* Позиция крайнего левого фланга армии и боевые действия у деревни Утица 26 августа 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы XI Всерос. науч. конф. (Москва, 24 апр. 2008 г.). М., 2008. С. 10–41.) Однако аргументация для радикального смещения принятой топографической конъюнкту-

ры и полного пересмотра устоявшейся, подкрепленной многими источниками общей картины боя была недостаточной.

Вне жанра микроисследования действия польского корпуса оставались в тени более ярких эпизодов Бородинского дня. При упоминании действий 5-го корпуса порой повторялись не вполне корректные клише. Даже в такой основательной и взвешенной работе, как статья В.А. Артамонова «Войско Польское и нашествие Наполеона» относительно нашей темы воспроизводился набор стереотипных оценок: «Отсутствие смоленской ярости и медленность наступления польская историография объясняла недостатком сил, залесненностью, эффективностью русского огня, под которым польскую пехоту среди кустарника было трудно собрать в колонны для атаки, и желанием Ю. Понятовского сбросить ядро Войска Польского. Именно последнее следует признать самым достоверным. Осознав, что русские стоят насмерть, представленный самому себе польский генерал не стал „перемалывать“ свои силы в ожесточенных атаках». Все действия князя Понятовского с рассвета до полудня Артамонов называет «имитацией наступления». (См.: Артамонов В.А. Войско Польское и нашествие Наполеона // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы Междунар. науч. конф. (Бородино, 9–11 сент. 2002 г.). М., 2003. С. 200–234.) Специальное исследование эпизода в сражении показывает поверхностность такой оценки. Собственно, микроисторический жанр и существует для того, чтобы тщательно сверять подобные экстраполяции с прихотливой конретикой частных эпизодов прошлого.

² См.: Васильев А.А., Неуважный А. Пятый армейский корпус Великой армии // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 599.

³ А.И. Попов говорит, что в Шевардинском бою «поляки потеряли 25 офицеров и около 500 солдат». Исследователь несколько «округляет» польские данные о потерях в 25 офицеров (4 убитыми и 21 ранеными) и 591 (164 убитыми и 409 ранеными) нижнем чине. См.: Попов А.И. Боевые действия в Утицком лесу. С. 51; Zych G. Armia Ksiestwa Warszawskiego. 1807–1812. Warszawa, 1961. S. 312–313; Korespondencya księcia Józefa Poniatowskiego z Francją. T. 4: 1812. Poznan, 1929. S. 273.

⁴ Цит. по: Попов А.И. Боевые действия в Утицком лесу. С. 51.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ В наполеоновском штабе не только во время, но и после сражения не знали, когда появился на Старой Смоленской дороге отряд Тучкова: Ж.-Ж. Пеле упре-

кал Понятовского в медлительности, основываясь на убеждении, что Тучков раньше поляков пришел в Утицы утром 7 сентября (н. ст.), когда в реальности Тучков уже ночевал там с 6-го на 7-е! (См.: *Пеле*. Бородинское сражение // ЧО-ИДР. 1872. Кн. 1. С. 74.)

⁷ Вопрос о численности тучковского отряда в исследовательской литературе запутан. В книге «Бородино: южный фланг» общую численность отряда А.И. Попов оценивает в 18 тыс. человек (С. 70), из них «около 7 тысяч ратников Московского ополчения». Отмечая, что «здесь же находилось и Смоленское ополчение», Попов не забывает и про казачьи полки Карпова. Можно сделать лишь приблизительный вывод, что Попов оценивал численность 3-го корпуса (дивизии Строганова и Коновницына) в 7–8 тыс. человек. Попов ссылается на публикации 1962 г. Л.П. Богданова и А.П. Ларионова (именно у них он заимствовал общую численность отряда); но эта ссылка дополняется еще одной – на польского историка М. Кукеля, по которой мы узнаем, что в одной только дивизии Строганова было 5 тыс. пехотинцев, не считая артиллеристов. В другом месте (С. 74) Попов приводит данные расчетов дореволюционного историка А.В. Геруа, и по ним оказывается, что дивизия Строганова вместе с артиллеристами корпуса имела «лишь 3,5–4 тысячи человек». Противоречие никак не комментируется А.И. Поповым. (А между тем его легко снять, если принять в расчет отход Таврического полка из дивизии Строганова в Утицкий лес и разницу в методике подсчета (с нестроевыми или без них): формально Кукель прав, но де-факто и Геруа недалек от истины.) По расчетам А.А. Васильева и А.А. Елисеева, на 24 августа в корпусе было 10 800 человек, включая артиллеристов, обслуживавших 90 орудий артиллерийского резерва, «числившихся при корпусе» 23 августа. Эти же данные воспроизвели А.М. Валькович и А.П. Капитонов в приложении к книге «Бородино. Документальная хроника» (М., 2004. С. 307), но без указания «90 орудий» (которых у Тучкова в реальном бою не было). Прибавление формально прикрепленных к корпусу артиллеристов некорректно. Поэтому следую за рапортом Главного дежурства 1-й армии на 25 августа. По рапорту в корпусе было 8 308 человек, включая артиллеристов 3-й артбригады (ее 18 орудий реально были при корпусе с начала сражения) и, что важно, нестроевых. См.: Бородино: Документ. хроника. С. 106.

⁸ См.: Из записок А.А. Щербинина // Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 397; Из дневника Э.Ф. Сен-При // Там же. С. 394.

⁹ Приказ Наполеона, согласно которому 5-й корпус должен открыть поэшелонное наступление правого крыла французской армии и вступить в сражение

первым, был передан Наполеоном устно штабному генералу Сокольниковскому меньше чем за час до основной атаки французских войск. Сокольниковский застал Понятовского уже на обходном марше: менять что-либо было уже поздно. См.: *Soltyk R. Napoleon en 1812: memories historiques et militaires sur la Campagne de Russ. P., 1836. P. 217–219.*

¹⁰ Иногда отечественные исследователи вслед за Г. Зыхом пишут, что впереди шла пехота 16-й дивизии, но Х. Дембинский вспоминает, что кавалерия опережала пехоту и ясно указывает тот момент (начало артиллерийской перестрелки), когда пехота ее миновала. См.: *Zych G. Op. cit. S. 317; Dembinski H. Pamietnik Henryka Dembinskiego jenerala wojsk polskich. Poznan, 1880. S. 135–136.*

¹¹ 1-я гренадерская дивизия П.А. Строганова состояла из шести полков, распределенных по трем бригадам: 1-я бригада полковника П.Ф. Желтухина (Лейб-гренадерский и Гренадерский имени графа Аракчеева полки), 2-я бригада генерал-майора А.И. Цвиленева (Павловский и Екатеринославский гренадерские полки) и 3-я бригада генерал-майора Б.Б. Фока (Санкт-Петербургский и Таврический гренадерские полки). Каждый полк состоял из двух батальонов: 1-го и 3-го. О точной численности 1-й гренадерской дивизии судить сложно. Согласно «Записке сколько имеет быть 3-го корпуса... 1 гренадерская дивизия» от 13 (27) августа, шесть ее полков (12 батальонов, от 300 до почти 600 человек в каждом) насчитывали 5 498 человек, видимо, включая нестроевых (РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 107. Ч. 41. Л. 52). Однако за две недели тяжелых маршей численность дивизии должна была немного сократиться.

¹² С русской стороны два орудия (из легкой роты № 6 подполковника А.И. Дитерикса) работали под прикрытием цепи павловских гренадер. Ими командовал фейерверкер 1-го класса фельдфебель А. Карпов (А.И. Попов назвал его подпоручиком, хотя по формуляру Карпов получил этот чин только в феврале 1813 г.). Карпов оставил мемуары (редкий случай для солдатского сына), в которых упомянул относительно этого эпизода лишь то, что его орудия и павловские гренадеры в цепи первыми «извели» польской картечи. Из воспоминаний польского офицера Х. Дембинского следует, что и артиллерийский огонь этого незначительного авангарда русских нанес немалый ущерб полякам. См.: *Карпов А.К. Записки полковника Карпова, 1807–1837. Витебск, 1910. С. 1–2 (1-я паг.), С. 19 (2-я, основная паг.); Dembinski H. Op. cit. S. 136.*

¹³ Иногда упоминается только батарея Гурского, но сам Понятовский пишет о двух батареях: в 12 и шесть орудий. (Рапорт Понятовского см. в кн.: *Langlois C.J. Panorama de la bataille de la Moscowa. P., S. a. P. 7.)*

¹⁴ Высота, с которой польская артиллерия вела огонь, определена исследователями как Коноплева гора. См.: *Арзамасцев И.В.* Мемуары Людвига Ельского и его взгляд на бои на Старой Смоленской дороге в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы Междунар. науч. конф., 2–4 сентября 2013 г. Бородино, 2014. С. 39.

¹⁵ Вслед за мемуаристом А.А. Щербининым в историографии надолго утвердилось мнение, что распоряжение Беннигсена вскрыло для неприятеля задачу «засадного» отряда и поставило крест на идее Кутузова о тактическом ударе во фланг и тыл атакующих флеша французов. Беннигсен надолго превратился в «антигероя» Бородинского сражения, чуть ли не лишившего русскую армию победы своим «самоуправством». Против такого взгляда справедливо выступил А.И. Попов. Он доказал, что замысел Кутузова никак не мог осуществиться, так как Понятовский был направлен сюда вне зависимости от положения Тучкова, а Беннигсен вовсе не нарушал воли главнокомандующего, а лишь корректировал ее исполнение. Однако Попов, в свою очередь, совершенно упустил из виду важный критерий – фактические последствия распоряжения Беннигсена. А они таковы: войска Тучкова были поставлены в невыгодную позицию в низине у д. Утицы, на которой они под обстрелом польских орудий с высот понесли совершенно ненужные потери. (См.: *Попов А.И.* «Засадный отряд» Тучкова (сомнения в очевидном, или апология Беннигсена). С. 122–142.) В этом контексте роль Беннигсена хоть и не катастрофична для всей армии, однако действительно неблагоприятна на данном участке сражения.

¹⁶ *Попов А.И.* Боевые действия в Утицком лесу... С. 57. Маевский пишет, что сначала Тучков не давал помощи из-за личной неприязни к Багратиону, но в подобной ситуации вряд ли это так. Корпус Тучкова входил в 1-ю армию Барклая и не подчинялся Багратиону. На деле же получалось, что вся мощь наполеоновской армии обрушилась на Багратиона и тот отовсюду стягивал резервы – какие только можно и нельзя. Тучков, стоя на дороге, ведущей в тыл российской армии, еще не знал, какой именно противник наступает на него. Когда же сила корпуса Понятовского едва только стала вырисовываться для Тучкова, он пошел навстречу просьбе Багратиона и рискнул ослабить свой отряд (см.: Из воспоминаний С.И. Маевского // Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 371). Там, на флешах, со знаменем Ревельского полка в руках погиб родной брат Н.А. Тучкова – А.А. Тучков, командовавший бригадой в 3-й пехотной дивизии.

¹⁷ Об участии в сражении казаков Карпова, к сожалению, сложно судить по недостатку источников. Наградные списки отряда были поданы за оба дня,

24 и 26 августа, и хотя из них видно, что казаки сражались, атаковали и даже рубились с вражеской кавалерией, однако неясными остаются конкретные обстоятельства этих сваток. По всей видимости, именно 26-го числа участие казаков было минимальным. (Рапорт А.А. Карпова с наградными списками см. в кн.: Подвиги офицеров и солдат русской армии в сражении при Бородине: Сб. документов. М., 2012. С. 101–103.)

¹⁸ Офицер 5-го конно-егерского полка Х. Дембинский вспоминал: «...сбоку огонь неприятельский в короткое время нам человек 40 вырвал и среди прочих общего любимца молодого подпоручика Вержбицкого... Князь Понятовский неустанно разъезжал перед зарослями, приподнимаясь на стремянах, чтобы разглядеть те массы [казаков], о которых говорил Себастиани. Но этих масс, как кажется, не было, так как высланные позднее из пехоты стрелки их там не обнаружили, вот только стрелки российские там были многочисленны. Многократно они выбегали из кустов по четверо или пятеро сразу, прицеливались в князя и стреляли в него; счастье только, что его не задели». *Dembinski H.* Op. cit. S. 137.

¹⁹ В русских наградных документах упоминается о «самой сильной канонаде»; в рапорте Строганова говорится о «жесточайшей» канонаде и огне, который опустошал ряды 1-й гренадерской дивизии. Что же касается батарейной полуроты, то за два с небольшим часа была перебита почти вся прислуга, огонь продолжали вести лишь четыре орудия из шести, а сам Глухов был «ранен осколком бомбы в правое плечо». См.: Бородино: Документ. хроника. С. 178–179, 180–181.

²⁰ См.: Воспоминания Колачковского... // Варшавский воен. журн. Варшава, 1899. № 10. С. 954.

²¹ *Земцов В.Н.* Битва при Москве-реке. М., 2001. С. 111–113; *Земцов В.Н., Попов А.И.* Бородино: Южный фланг. С. 41–42.

²² Наградные списки офицеров 1-й гренадерской дивизии убеждают в том, что Таврический и графа Аракчеева полки были вовлечены в оборону леса. Вместе с отрядом Шаховского они удерживали «промежуток Старой Смоленской дороги и левого фланга 2-й армии». 3-й батальон Таврического полка был отряжен в поддержку отряду Шаховского еще утром. Вероятно, когда пехота 23-й дивизии вестфальцев соединилась в лесу с левым крылом 5-го корпуса, то для надежного прикрытия правого фланга на север от дороги был отослан полк имени графа Аракчеева. Что касается 1-го батальона Таврического полка, то по наградным спискам известно, что еще утром стрелки из этого батальона под руководством майора Богдановича составили стрелковую цепь на левом, южном фланге отряда. Значит ли это, что весь 1-й батальон сражался против поляков на левом,

южном фланге? Думаю, нет. Указания в наградных документах и в рапорте Строганова о том, что командир Таврического полка полковник Сулима удерживал со своим полком (т.е. с обоими батальонами!) промежуток между «правым флангом» отряда Тучкова и 2-й армией, заставляет думать, что 1-й батальон Таврического полка (кроме группы стрелков Богдановича) также был переведен на север от Старой Смоленской дороги, по всей видимости, вместе с аракчеевским полком, когда появление в лесу вестфальцев создало угрозу для правого фланга тучковского отряда. См.: Бородино: Документ. хроника. С. 179–180, 185–186. Об утреннем наступлении вестфальцев в Утицком лесу см.: *Земцов В.Н., Попов А.И.* Бородино: Южный фланг. С. 81–83.

²³ Логика подсчета поражает. С русской стороны учтено «все по максимуму»: вся 1-я гренадерская дивизия (вне зависимости от того, какие батальоны были выведены в резерв, а какие были отряжены для отпора вестфальцам), к ней прибавлены егеря Шаховского, сражающиеся с вестфальцами, и несколько батальонов из спешащей на помощь Тучкову 2-й бригады 17-й дивизии 2-го корпуса. С польской же стороны Попов не просто отказывается учесть поддержку вестфальцев 23-й дивизии, но и целиком игнорирует наступавшую за 16-й именно в этом месте вторым эшелоном 18-ю дивизию 5-го корпуса. См.: *Попов А.И.* Боевые действия в Утицком лесу... С. 63; *Земцов В.Н., Попов А.И.* Бородино: Южный фланг. С. 81.

²⁴ Роман Солтык, адъютант генерала Сокольниковского, около 11 часов стал очевидцем этого наступления. Причем сам он даже не понял, что стал свидетелем начала атаки, о завершении которой знал лишь понаслышке (отсюда путаница в его воспоминаниях). Однако живой рассказ Солтыка передает обстоятельства наступления 3-го пехотного полка (левый фланг 16-й дивизии): «Я нашел польскую пехоту рассыпавшейся по рощам и кустарнику, которые покрывали местность в этой стороне; вражеские стрелки группами сталкивались с нашими стрелками. Я совершенно не понимал, куда направиться в этом беспорядке, случилось, что русские солдаты оказывались у меня за спиной, а поляки впереди. При этом я стал свидетелем того, как проявилось присутствие духа польского подполковника Блумера, о чем должен поведать. Этот офицер, видя, что наши стрелки не могут достичь никакого прогресса, что продолжать убийственную перестрелку здесь бессмысленно, собрал человек 50 своего полка, схватил за воротник барабанщика и приказал ему бить атаку и идти возле него. Затем он стал громко кричать „Ура!“; несколько офицеров, которые сгрудились вокруг него, как и его храбрые солдаты, делали то же самое, чтобы внушить неприятелю, что

в этой стороне имеются значительные силы. Таким образом он продвигался во главе своей маленькой колонны с большой решительностью, атакуя штыками все, что встречалось на пути. Густота леса мешала неприятелю распознать слабость его отряда, и, думая, что атакуют свежие силы, неприятель отступил по всей линии». См.: *Soltyk R.* Op. cit. P. 232–233.

²⁵ Фейерверкер Карпов оказался в эпицентре событий: «... при появлении поляков нам нельзя было повернуть наши орудия по неудобности места. Мы подняли на передки и бросились с того места немного влево, поляки сделали по нам залп, не сделав однако большого урона. Мы отъехали саженой 50, остановились, поляки же, найдя себе добычу втрое многолюднее их... берут наших ратников (ратников ополчения. – *И.Б.*) в плен, которые без сопротивления им повинуются и идут по приказанию их. <...> По окончании компании в 1814 году в августе месяце я видел того самого полковника Курц-Юша, который во время сражения 26 августа... со своей колонной пришел взять сзади нашу батарею, и по всем его разговорам я уверился в том, что он действительно хотел переколоть нас штыками, описавши нашу и свою позицию, уверился в истине слов его; он нас принял, как друзей и угостил наилучшим образом... ночевали у него в имении и расстались друзьями». См.: *Карпов А.К.* Указ. соч. С. 20–21.

²⁶ К этому времени полуроту Глухова скорее всего уже сменили шесть орудий штабс-капитана П.П. Щепотьева из 17-й батарейной роты. Рапорты Строганова и Багговута не вполне ясно соответствуют друг другу в описании этих событий. Вероятнее всего, Щепотьев обогнал 2-ю бригаду 17-й дивизии и сменил орудия Глухова накануне штурма кургана. Прицельный огонь Щепотьева, как это описано Багговутом, помешал одной колонне неприятеля взять курган (вероятно, речь идет о наступавшем на курган с фронта 16-м полке), однако вторая колонна (батальон Рыбинского из 15-го пехотного) достигла кургана и, как мы знаем, овладела им (о чем Багговут умалчивает). Щепотьев второй раз за день увез свои орудия из-под носа захватившего позицию врага: до прибытия на Утицкий курган Щепотьев сражался у северной опушки Утицкого леса, там ему удалось уходя отбиться даже от конных егерей. См.: Бородино: Документ. хроника. С. 178–179; 288, 200.

²⁷ Тем не менее, думаю, нет причин сомневаться в личной отваге и мастерстве М. Рыбинского и даже в описанных им конкретных обстоятельствах атаки: он повел своих людей с самого начала бегом и провел их во фланг русским; когда его конь завяз в болотце, пешим возглавил атаку, а когда во главе своих солдат поднимался на курган, его не смутило направленное прямо на него жер-

ло орудия (оно чудом не дало выстрела в упор по храброму поляку – погас фитиль в руках у канонира). См.: *Przewalski S. General Maciej Rybinski ostatni wodz naczelny powstania listopadowego (1784–1874) // Prace Wroclawskiego towarzystwa naukowego. Ser. A. № 26. Wroclaw, 1949. Pag. II. S. 21–23;*

²⁸ *Капнов А.К.* Указ. соч. С. 20.

²⁹ Г. Зых, а вслед за ним и А.И. Попов, реконструируя ход боя, считают атаку 18-й дивизии ответом на русскую контратаку. (См.: *Zych G. Opit. cit. S. 319–320; Попов А.И.* Боевые действия в Утицком лесу. С. 65.) Однако русские свидетельства не знают этой новой большой атаки поляков на курган в середине дня. И по рапорту Строганова, и по наградным спискам выходит, что после «отбития батарей» неприятель отступил (см.: *Бородино: Документ. хроника. С. 178–186*). Косвенно это подтверждает и М. Рыбинский, который, отступив с кургана, 18-ю дивизию нашел рассыпавшейся по кустам вдоль ручья, а ведь именно такое положение дивизии описывает Л. Ельский, завершая свой рассказ о неудачной атаке. (*Przewalski S. Op. cit. S. 23; Jelski L. Marsze I dzialania korpusu polskiego w kampanii moskowskiej 1812 // Pamietniki polskie. Paryz, 1848. T. 3. S. 51–52.*) Отсюда вывод: контратака Тучкова и атака 18-й дивизии произошли одновременно. Это был встречный бой (см. также примеч. № 37 наст. статьи).

³⁰ Подсчет таков: около 11 батальонов 1-й гренадерской дивизии (без 1–1,5 батальона Таврического полка) плюс два батальона Белозерского полка 17-й дивизии (Вильманstrandский, судя по наградным документам и рапортам Строганова и Баговута, оставался севернее дороги и действовал против вестфальцев). См.: *Бородино: Документ. хроника. С. 197–200, 179, 288.*

³¹ Там же. С. 179.

³² *Jelski L. Op. cit. S. 51–52.* О том же писал Р. Солтык (см. примеч. № 37 наст. статьи).

³³ В это время Рыбинский совершил еще один яркий подвиг. Когда был убит знаменосец, он подхватил из его рук Орла 15-го пехотного полка и возглавил прорыв. Он сам получил ранение, но вывел своих людей назад. Рыбинский утверждал, а историки вслед за ним воспроизводили, что ему якобы удалось привести с собой 60–80 пленных из Павловского гренадерского полка. Вне сомнения, это вымысел: достаточно в сравнении с другими полками проанализировать по армейской ведомости потери «пропавшими без вести», чтобы убедиться, что Павловский полк не терял сколько-нибудь значительного числа пленными. (См.: *Бородино: Документ. хроника. С. 340*). Пржевальский и Колачковский указывают, что Рыбинский при этом потерял 300 человек, хотя сам он признавал

лишь потерю четырех офицеров и 100 рядовых. Путаница, возможно, объясняется тем, что в колонне Рыбинского оказались помимо 2-го батальона и другие солдаты 15-го пехотного, а потери Рыбинский признавал только своего батальона. В любом случае, сюда еще надо прибавить потери колонны 3-го пехотного полка. См.: *Przewalski S.* Op. cit. S. 22.

³⁴ На курган вернулся штабс-капитан Щепотьев (о нем см. примеч. № 26 наст. статьи). Впрочем, вскоре батарею Щепотьева сменили шесть орудий штабс-капитана Лескова из батарейной роты № 4 артиллерийской 4-й бригады; батарея Лескова успешно закончила дуэль с артиллерией 5-го корпуса. Причем к моменту, когда Лесков сменил Щепотьева, у того вся прислуга была настолько перебита, что из шести орудий действовало только два и сам Щепотьев работал за канонира. См.: Бородино: Документ. хроника. С. 200, 195.

³⁵ См.: Воспоминания Колачковского... С 956; *Zych G.* Op. cit. S. 322. Этот подсчет, возможно, не полон. Например, по списку Мартиньена 5-й корпус потерял 92 офицера. См.: *Земцов В.Н.* Битва на Москве-реке. С. 454. Когда на следующий день офицер штаба V корпуса Колачковский посетил основное поле сражения, он ужаснулся катастрофичности потерь в частях Великой армии, которые там сражались. Конечно, бой среди зарослей, который вели поляки, был не таким кровопролитным, как основные эпизоды сражения. Это обстоятельство сослужило добрую службу Наполеону. Во время отступления, когда Великая армия будет стремительно разлагаться, поляки останутся в числе наиболее боеспособных войск.

³⁶ Например, 1-я гренадерская дивизия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 1 627 человек. Любопытно, что разведка штаба Великой армии в принципе адекватно оценила масштаб потерь этой дивизии – около 1/3 состава (при этом вдвое завышая численность дивизии с реальных менее чем 5,5 тыс. до 8–9 тыс. человек). См.: *Земцов В.Н.* Бородинское сражение в малоизвестных рапортах генералов Великой армии // «Сей день пребудет вечным памятником...»: Бородино, 1812–2012. Можайск, 2013. С. 214.

³⁷ Колачковский со всей галантностью формулировок упрекает Понятовского: «Сколько раз, – пишет Колачковский, – мне ни случалось видеть князя Понятовского в бою, где он выделялся своей рыцарски прекрасной наружностью, он всегда вводил батальоны в огонь поодиночке. Не помню, чтобы когда-либо он выслал сразу несколько батальонов из резерва или стоявшей уступом 2-й линии. С его стороны это был ошибочный прием, заимствованный из австрийской школы и приводивший к расходованию нашей пехоты без особых результатов».

(Воспоминания Колачковского... С. 955.) Это несколько кабинетное суждение историки подчас передергивают так, будто кроме батальона Рыбинского остальные батальоны 16-й и уж тем более вся 18-я дивизия вовсе не участвовали в бою, что совершенно не соответствует действительности. Любопытно, что ни Колачковский, ни Рыбинский вообще не упоминают о вступлении в бой 18-й дивизии. В свою очередь, Р. Солтык, повествуя об атаке 18-й дивизии, описывает ситуацию прямо противоположно упрекам Колачковского: «Тогда эти храбрецы (солдаты 18-й дивизии. – *И.Б.*), в нетерпении сойтись в рукопашную с москвитями, не дожидаясь приказа своих офицеров, бросились в лес; ряды расстроились; а то, что легко может исполнить компактная масса, не могут осуществить рассыпанные войска: поэтому неприятельские стрелки держались хорошо, несмотря на новые подкрепления, полученные поляками». См.: *Solyk R.* Op. cit. S. 237.

³⁸ Отметим состав соединений. Гренадеры дивизии Строганова – элита русской пехоты, сюда попадали лучшие солдаты из образцовых армейских дивизий. В польском же корпусе, наряду с опытными воинами, ветеранами многих сражений, значительную долю составляли еще не столь опытные бойцы (хотя опыт войны, особенно Смоленское сражение, уже сделал из них настоящих солдат). См.: Из записок Яна Вейссенгофа // Воен.-ист. сборник. СПб., 1912. № 2. С. 212–214.